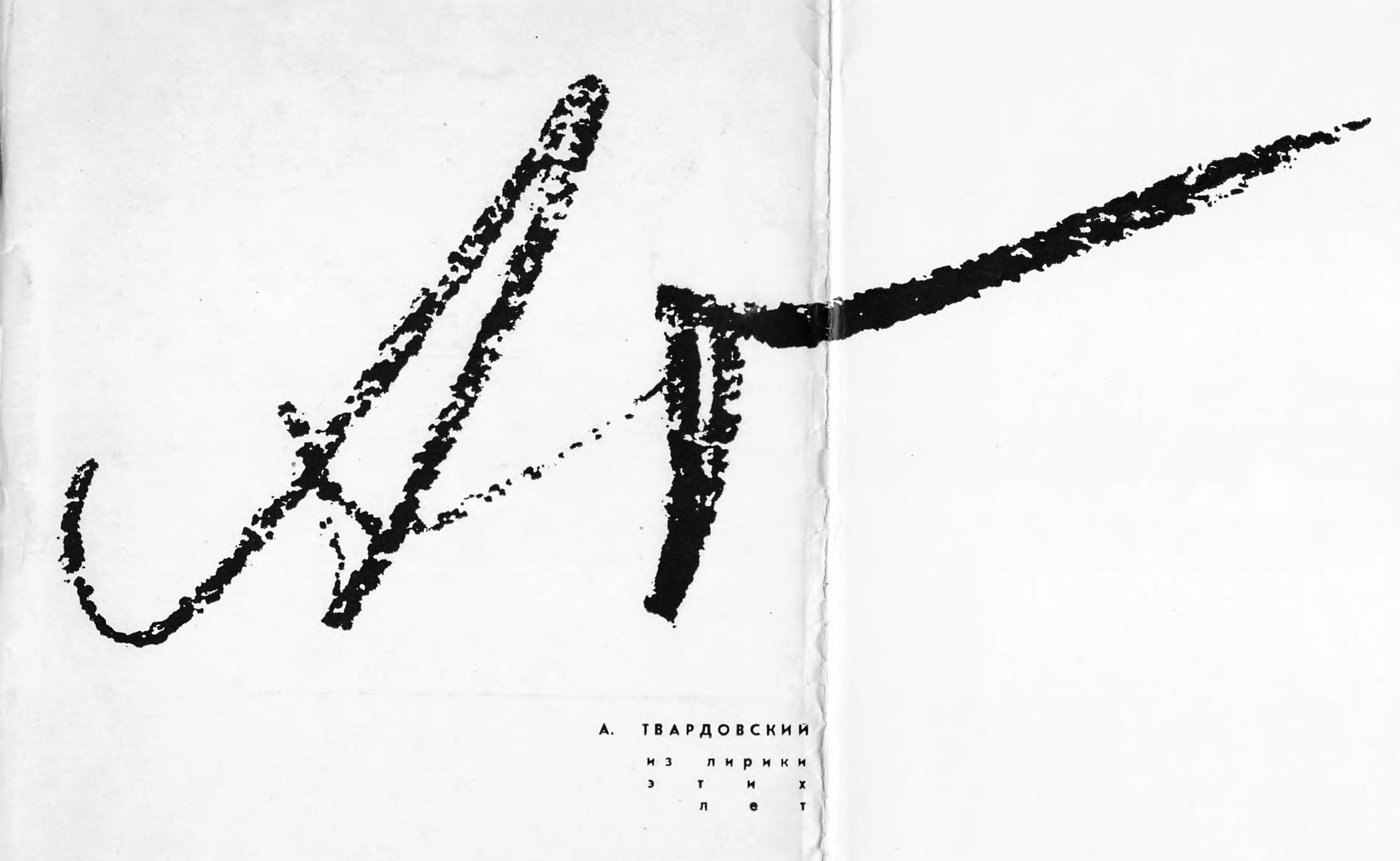

А. ТВАРДОВСКИЙ

из лирики этих лет

А. ТВАРДОВСКИЙ

ИЗ ЛИРИКИ ЭТИХ ЛЕТ

Советский писатель

Москва 1967

А. ТВАРДОВСКИЙ

1959

ИЗ ЛИРИКИ ЭТИХ ЛЕТ

1967

Р2
Т26

Художник Вл. Медведев

7-4-2
Резерв-67

ДОРОГА ДОРОГ

Дорога дорог меж двумя океанами,
С тайгой за окном иль равнинами голыми,
Как вехами, вся обозначена кранами —
Стальными советского века глаголями.

Возносят свое многотонное кружево
Они над землей — не вчера ли разбуженной,
Сибирью, по фронту всему атакуемой,
С ее Погорюй — Потоскуй — Покукуями.
Встают над тылами ее необжитыми,
Что вдруг обернулись «Магнитками» новыми,
Над стройками, в мире уже знаменитыми,
И теми, что даже не наименованы.

Краина, что многих держав поместительней,
Ты вся, осененная этими кранами,
Видна мне единой площадкой строительной,
Размеченной грубо карьерами рваными;
Вразброс котлованами и эстакадами,
Неполными новых проспектов порядками,
Посадками парков, причалами, складами,
Времянками-арками и танцплощадками.
В места, по прозванью, не столь отдаленные,
Хотя бы лежали за дальними далями,

И нынче еще не весьма утепленные
Своими таежными теплоцентралями,—
В места, что под завтрашний день застолбованы,
Вступает народ, богатырь небалованный.

Ему — что солдату на фронте — не в новости
Жары и морозы железной суровости,
Приварок, в поэмах и песнях прославленный,
И хлеб, тягачами на место доставленный.

Не стать привыкать — за привалами редкими —
Ему продвигаться путями неторными.
Он для Семилетки взращен Пятилетками
И целой эпохи походными нормами;
Годами труда, переменами столькими;
Краями, для дел богатырских привольными;
Своими большими и малыми стройками —
В прослойку с большими и малыми войнами.

Какие угрюмые горы с ущельями
В снегах прогревая бивачными дымами,
Прошел он навылет стволами-тоннелями,
Мостами сцепив берега нелюдимые!
В какие студеные дебри суровые
Врубаясь дорог протяженными клиньями,
Он ввез города на колесах готовые,
К столицам своим подключив их на линии!

Он знает про силу свою молодецкую,
Народ, под великий залог завербованный,
Все может! И даже родную советскую
Словцом помянуть, с топора окантованным.
Хозяин! А время крутое, рабочее —
Не время для слов умилительной кротости.
Вселенная — пусть она встала на очередь,
Забот на Земле остается до пропасти.
Простора довольно для нынешних подвигов,
Что в завтрашнем блеске со счету не сбросятся.

...А где мое слово, что было бы подлинным,
Тем самым, которое временем спросится?

Пускай оно будет не самое громкое,
Но только бы правдой бестрепетной емкое.

Пускай не из стали оно, не навечное,
Но только бы слово от сердца, сердечное.

Простое, земное — пускай не надзвездное,
Веселое к месту и к месту серьезное.

Но только бы даль в нем была богатырская,
Как русское это раздолье сибирское;

Как эта моя, осененная кранами,
Дорога дорог меж двумя океанами.

☆ ☆ ☆

Не хожен путь,
И не прост подъем,
Но будь ты большим иль малым,
А только — вперед,
За бегущим днем,
Как за огневым валом,

За ним, за ним,—
Не тебе одному
Бедой грозит передышка,—
За валом огня.
И плотней к нему.
Сробел и отстал —
Крышка!

Такая служба твоя, поэт,
И весь ты в ней без остатка.
— А страшно все же?
— Еще бы — нет!
И страшно порой.
Да — сладко!

☆ ☆ ☆

Жить бы мне век соловьем-одиночкой
В этом краю травянистых дорог,
Звонко выщелкивать строчку за строчкой,
Циклы стихов заготавливать впрок.
О разнотравье лугов непримятых.
Зорях пастушьих, угодьях грибных.
О лесниках-добряках бородатых.
О родниках и вечерних закатах.
Девичьих косах и росах ночных...

Жить бы да петь в заповеднике этом,
От многолюдных дорог в стороне,
Малым, недальним довольствуясь эхом,—
Вот оно, счастье. Да, жаль, не по мне.

Сердце иному причастно всецело,
Словно с рожденья кому подряжен
Браться с душой за нелегкое дело,
Биться, беситься и лезть на рожон.

И поспевать, надрываясь до страсти,
С болью, с тревогой за нынешним днем.
И обретать беспокойное счастье
Не во вчерашнем, а именно в нем...

Да! Но скажу я: без этой тропинки,
Где оставляю сегодняшний след,
И без росы на лесной паутинке —
Памяти нежной ребяческих лет,
И без иной — хоть ничтожной — травинки
Жить мне и петь мне? Опять-таки — нет...

Не потому, что особой причуде
Дань отдаю в этом тихом краю.
Просто — мне дорого все, что и людям,
Все, что мне дорого, то и пою.

ГОРНЫЕ ТРОПЫ

Горные тропы моложе
Ныне исчезнувших рек,
Чье отслужившее ложе
В дебрях обрел человек.

Но до него, следопыта,
Задолго — всякой тропой
Лапы зверей и копыта
След обозначили свой.

Правда, при первой разведке
Он для маршрутов своих
Разные сделал отметки —
Звери не ведали их.

Следом за ним — поколенья
Долгим тянулись гуськом,
Чтобы с дороги каменья
Сдвинуть в сторонку рядком.

И, применяя расчеты,
Где подсказала нужда,
С толком спрямить повороты,
Что навихляла вода.

Тысячелетья успели
В эти улечься пласты,
Чтобы пробить здесь тоннели,
Вымахнуть резко мосты...

Так что — какой бы тропою
Ты по земле ни ступил,
Ведай, что перед тобою
Здесь уже кто-нибудь был.

Некие знаки оставил —
Память разведки своей.
Пусть он себя не прославил,
Сделал тебя он сильней.

Знай и в работе примерной:
Как бы ты ни был хорош,
Ты по дороге не первый
И не последний идешь.

КОСМОНАВТУ

Когда аэродромы отступленья
Под Ельней, Вязьмой иль самой Москвой
Впервые новичкам из пополненья
Давали старт на вылет боевой,—

Прости меня, разведчик мирозданья,
Чьим подвигом в веках отмечен век,—
Там тоже, отправляясь на заданье,
В свой космос хлопцы делали разбег.

И пусть они взлетали не в ракете
И не сравнить с твоею высоту,
Но и в своем фанерном драндулете
За ту же вырывалися черту.

За ту черту земного притяженья,
Что ведает солдат перед броском,
За грань того особого мгновенья,
Что жизнь и смерть вмещает целиком.

И может быть, не меньшею отвагой
Бывали их сердца наделены,
Хоть ни оркестров, ни цветов, ни флагов
Не стоил подвиг в будний день войны.

Но не затем той памяти кровавой
Я нынче вновь разматываю нить,
Чтоб долею твоей всемирной славы
И тех героев как бы оделить.

Они горды, они своей причастны
Особой славе, принятой в бою,
И той одной, суровой и безгласной,
Не променяли б даже на твою.

Но кровь одна, и вы — родные братья,
И не в долгу у старших младший брат.
Я лишь к тому, что всей своею статью
Ты так похож на тех моих ребят.

И выправкой, и складкой губ, и взглядом,
И этой прядкой на вспотевшем лбу...
Как будто миру — со своею рядом —
Их молодость представил и судьбу.

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

СЛОВО О СЛОВАХ

Когда серьезные причины
Для речи вызрели в груди,
Обычной жалобы зачина —
Мол, нету слов — не заводи.

Все есть слова — для каждой сути,
Все, что ведут на бой и труд,
Но, повторяемые всуе,
Теряют вес, как мухи мрут.

Да, есть слова, что жгут, как пламя,
Что светят вдаль и вглубь — до дна,
Но их подмена словесами
Измене может быть равна.

Вот почему, земля родная,
Хоть я избытком их томим,
Я, может, скупо применяю
Слова мои к делам твоим.

Сыновней призванный любовью
В слова облечь твои труды,
Я как кощунства — краснословья
Остерегаюсь, как беды.

Не белоручка и не лодырь,
Своим кичащийся пером,—
Стыжусь торчать с дежурной одой
Перед твоим календарем.

Мне горек твой упрек напрасный.
Но я в тревоге всякий раз:
Я знаю, как слова опасны,
Как могут быть вредны подчас;

Как перед миром, потрясенным
Величьем подвигов твоих,
Они, слова, дурным трезвоном
Смущают мертвых и живых;

Как, обольщая нас окраской,
Слова — труха, слова — утиль
В иных устах до пошлой сказки
Низводят сказочную быль.

И я, чей хлеб насущный — слово,
Основа всех моих основ,
Я за такой устав суровый,
Чтоб ограничить трату слов;

Чтоб сердце кровью их питало,
Чтоб разум их живой смыкал;

Чтоб не транжирить как попало
Из капиталов капитал;

Чтоб не мешать зерна с половой,
Самим себе в глаза пыля;
Чтоб шло в расчет любое слово
По курсу твердого рубля.

Оно не звук окостенелый,
Не просто некий матерьял,—
Нет, слово — это тоже дело,
Как Ленин часто повторял.

☆ ☆ ☆

Есть книги — волею приличий
Они у века не в тени.
Из них цитаты брать — обычай —
Во все положенные дни.

В библиотеке иль читальне
Любой — уж так заведено —
Они на полке персональной
Как бы на пенсии давно.

Они в чести.
И не жалея
Немалых праздничных затрат,
Им обновляют в юбилеи
Шрифты, бумагу и формат.

Поправки вносят в предисловья
Иль пишут на́ново, спеша.
И — сохраняйтесь на здоровье —
Куда как доля хороша.

Без них чредою многотомной
Труды новейшие, толпясь,
Стоят у времени в приемной,

Чтоб на глаза ему попасть;
Не опоздать к иной обедне,
Не потеряться в тесноте...
Но те,—
С той полки:
«Кто последний?» —
Не станут спрашивать в хвосте.

На них печать почтенной скуки
И давность пройденных наук;
Но, взяв одну такую в руки,
Ты, время,
Обожжешься вдруг...

Случайно вникнув с середины,
Невольно всю пройдешь насквозь,
Все вместе строки до единой,
Что ты вытаскивало врозь.

Дробится рваный цоколь монумента,
Взвывает сталь отбойных молотков.
Крутой раствор особого цемента
Рассчитан был на тысячи веков.

Пришло так быстро время пересчета,
И так нагляден нынешний урок:
Чрезмерная о вечности забота —
Она, по справедливости, не впрок.

Но как сцепились намертво каменья,
Разъять их силой — выдать семь потов.
Чрезмерная забота о забвенье
Немалых тоже требует трудов.

Все, что на свете сделано руками,
Рукам под силу обратить на слом.
Но дело в том,
Что сам собою камень —
Он не бывает ни добром, ни злом.

На новостройках в эти годы
Кипела главная страда:
Вставали в заревах заводы,
Росли под небо города.

И в отдаленности унылой
За той большой страдой село,
Как про себя ни гомонило,
Уже угнаться не могло.

Там жизнь неслась в ином разгоне,
И по окраинам столиц
Вовсю играли те гармони,
Что на селе перевелись.

А тут — притихшие подворья,
Дворы, готовые на слом,
И где семья, чтоб в полном сборе
Хоть в редкий праздник за столом?

И не свои друзья-подружки,
А, доносясь издалека,
Трубило радио частушки
Насчет надоев молока.

Земля родная, что же сталось,
Какая странная судьба:
Не только юность, но и старость —
Туда же, в город, на хлеба,
Туда на отдых норовила
Вдали от дедовских могил...

Давно, допустим, это было,
Но ты-то сам когда там был?

☆ ☆ ☆

А ты самих послушай хлеборобов,
Что свековали век свой у земли,
И врать им нынче нет нужды особой,—
Все превзошли,
А с поля не ушли.

Дивиться надо: при советской власти —
И время это не в далекой мгле —
Какие только странности и страсти
Не объявлялись на родной земле.

Доподлинно, что в самой той России,
Где рожь была святыней от веков,
Ее на корм, зеленую, косили,
Не успевая выкосить лугов.

Наука будто все дела вершила.
Велит, и точка — выполнять спеши:
То — плугом пласт
Ворочай в пол-аршина,
То — в полвершка,
То— вовсе не паши.

И нынешняя заповедь вчерашней,
Такой же строгой, шла наперерез:

Вдруг — сад корчуй
Для расширенья пашни,
Вдруг — клеверище
Запускай под лес...

Бывало так, что опускались руки,
Когда осенний подведен итог:
Казалось бы —
Ни шагу без науки,
А в зиму снова —
Зубы на полок.

И распорядок жизни деревенской,
Где дождь ли, ведро — не бери в расчет,—
Какою был он мукою-мученской,—
Кто любит землю, знает только тот...

Науку мы оспаривать не будем,
Науке всякой —
По заслугам честь,
Но пусть она
Почтенным сельским людям
Не указует,
С чем им кашу есть.

БЕРЕЗА

На выезде с кремлевского двора,
За выступом надвратной башни Спасской,
Сорочьей черно-белою раскраской
Рябеет — вдруг — прогиб ее ствола.

Должно быть, здесь пробилась самосевом,
Прогнулась, отклоняясь от стены,
Угадывая, где тут юг, где север,
Высвобождая крону из тени...

Ее не видно по пути к царь-пушке
За краем притемненного угла.
Простецкая — точь-в-точь с лесной опушки,
С околицы забвенной деревушки,
С кладбищенского сельского бугра...

А выросла в столице ненароком,
Чтоб возле самой башни мировой
Ее курантов слушать мерный бой
И города державный рокот.

Вновь зеленеть, и вновь терять свой лист,
И красоваться в серебре морозном,
И на ветвях качать потомство птиц,
Что здесь кружились при Иване Грозном.

И вздрагивать во мгле сторожевой
От гибельного грохота и воя,
Когда полосовалось над Москвой
Огнями небо фронтовое.

И в кольцах лет вести немой отсчет
Всему, что пронесется, протечет
На выезде, где в памятные годы
Простые не ходили пешеходы,
Где только по звонку, блюдя черед,
Машины — вниз — на площадь, на народ,
Ныряли под ступенчатые своды
И снизу вырывались из ворот.

И стольких здесь она перевидала,
Встречая, провожая всякий раз,
Своих, чужих — каких там ни попало,—
И отразилась в стольких парах глаз,
По ней скользнувших мимолетным взглядом
В тот краткий миг, как проносились рядом...

Нет, не бесследны в мире наши дни,
Таящие надежду иль угрозу.
Случится быть в Кремле — поди взгляни
На эту неприметную березу.

Какая есть — тебе предстанет вся,
Запас диковин мало твой пополнит,
Но что-то вновь тебе напомнит,
Чего вовеки забывать нельзя...

☆ ☆ ☆

Посаженные дедом деревца,
Как сверстники твои, вступали в силу
И пережили твоего отца,
И твоему еще предстанут сыну
Деревьями.
То в дымке снеговой,
То в пух весенний только что одеты,
То полной прошумят ему листвой,
Уже повеяв ранней грустью лета...

Ровесниками века становясь,
В любом от наших судеб отдаленье,
Они для нас ведут безмолвно связь
От одного к другому поколенью.

Им три-четыре наших жизни жить.
А там другие сменят их посадки.
И дальше связь пойдет в таком порядке...

Ты не в восторге?
Сроки наши кратки?
Ты что иное мог бы предложить?

☆ ☆ ☆

Мне сладок был тот шум сонливый
И неусыпный полевой,
Когда в июне, до налива,
Смыкалась рожь над головой.

И трогал душу по-другому,—
Хоть с детства слух к нему привык,
Невнятный говор или гомон
В вершинах сосен вековых.

Но эти памятные шумы —
Иной порой, в краю другом —
Как будто отзвук давней думы,
Мне в шуме слышались морском.

Распознавалась та же мера
И тоны музыки земной...
Все это жизнь моя шумела,
Что вся была еще за мной.

И все, что мне тогда вещала,
Что обещала мне она,
Я слышать вновь готов сначала,
Как песню, даром что грустна.

Все сроки кратки в этом мире,
Все превращенья — на лету.
Сирень в году дня три-четыре,
От силы пять кипит в цвету.

Но побуревшее соцветье
Сменяя кистью семенной,
Она, сирень, еще весной —
Уже в своем дремотном лете.

И даже свежий блеск в росе
Листвы, еще не запыленной,
Сродни той мертвенной красе,
Что у листвы вечнозеленой.

Она в свою уходит тень.
И только, пета-перепета,
В иных стихах она все лето
Бушует будто бы сирень.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Прощаемся мы с матерями
Задолго до крайнего срока —
Еще в нашей юности ранней,
Еще у родного порога,

Когда нам платочки, носочки
Уложат их добрые руки,
А мы, опасаясь отсрочки,
К назначенной рвемся разлуке.

Разлука еще безусловней
Для них наступает попозже,
Когда мы о воле сыновней
Спешим известить их по почте.

И, карточки им посылая
Каких-то девчонок безвестных,
От щедрой души позволяем
Заочно любить их невесток.

А там — за невестками — внуки...
И вдруг назовет телеграмма
Для самой последней разлуки
Ту старую бабушку мамой.

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было — холода и голода.

Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь зайдет про все про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать,—
Уж очень было кладбище немилое.

Кругом леса без края и конца —
Что видит глаз — глухие, нелюдимые.
А на погосте том — ни деревца,
Ни даже тебе прутика единого.

Так-сяк, не в ряд нарытая земля
Меж вековыми пнями да корягами,
И хоть бы где подальше от жилья,
А то — могилки сразу за бараками.

И ей, бывало, виделись во сне
Не столько дом и двор со всеми справами,
А взгорок тот в родимой стороне
С крестами под березами кудрявыми.

Такая то краса и благодать,
Вдали большак, дымит пыльца дорожная.
— Проснусь, проснусь,— рассказывала мать,—
А за стеною — кладбище таежное...

Теперь над ней березы, хоть не те,
Что снились за тайгою чужедальнею.
Досталось прописаться в тесноте
На вечную квартиру коммунальную.

И не в обиде. И не все ль равно,
Какою метой вечность сверху мечена.
А тех берез кудрявых — их давно
На свете нету. Сниться больше нечему.

Как не спеша садовники орудуют
Над ямой, заготовленной для дерева:
На корни грунт не сваливают грудою,
По горсточке отмеривают.

Как будто птицам корм из рук,
Крошат его для яблони.
И обойдут приствольный круг
Вслед за лопатой граблями...

Но как могильщики — рывком —
Давай, давай без передышки,—
Едва свалился первый ком,
И вот уже не слышно крышки.

Они минутой дорожат,
У них иной, пожарный на́вык:
Как будто откопать спешат,
А не закапывают навек.

Спешат — меж двух затяжек срок —
Песок, гнилушки, битый камень
Кой-как содвинуть в бугорок,
Чтоб завалить его венками...

Но ту сноровку не порочь,—
Оправдан этот спех рабочий:
Ведь ты им сам готов помочь,
Чтоб только все — еще короче.

☆ ☆ ☆

> Перевозчик-водогребщик,
> Парень молодой,
> Перевези меня на ту сторону,
> Сторону — домой...
>
> *Из песни*

— Ты откуда эту песню,
Мать, на старость запасла?
— Не откуда — все оттуда,
Где у матери росла.

Все из той своей родимой
Приднепровской стороны,
Из далекой-предалекой
Деревенской старины.

Там считалось, что прощалась
Навек с матерью родной,
Если замуж выходила
Девка на берег другой.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Давней молодости слезы.
Не до тех девичьих слез,
Как иные перевозы
В жизни видеть привелось.

Как с земли родного края
Вдаль спровадила пора.
Там текла река другая —
Шире нашего Днепра.

В том краю леса темнее,
Зимы дольше и лютей,
Даже снег визжал больнее
Под полозьями саней.

Но была, пускай не пета,
Песня в памяти жива.
Были эти на край света
Завезенные слова.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Отжитое — пережито,
А с кого какой же спрос?
Да уже неподалеку
И последний перевоз.

Перевозчик-водогребщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

☆ ☆ ☆

Изведав жар такой работы,
Когда часы быстрей минут,
Когда забудешь, где ты, что ты,
И кто, и как тебя зовут;

Когда весь мир как будто внове
И дорога до смерти жизнь,—
От сладких слез, что наготове,
По крайней мере, удержись.

Года обязывают строже,
О прежних вспышках не жалей.
Не штука быть себя моложе,
Труднее быть себя зрелей.

☆ ☆ ☆

Как неприютно этим соснам в парке,
Что здесь расчерчен, в их родных местах,
Там-сям, вразброс, лесные перестарки,
Стоят они — ни дома, ни в гостях.

Прогонистые, выросшие в чаще,
Стоят они, наружу голизной,
Под зимней стужей и жарой палящей
Защиты лишены своей лесной.

Как стертые метелки, их верхушки
Редеют в небе над стволом нагим.
Иные похилились друг ко дружке,
И вновь уже не выпрямиться им...

Еще они, былую вспомнив пору,
Под ветром вдруг застонут, заскрипят,
Торжественную песнь родного бора
Затянут вразнобой и невпопад.

И оборвут, постанывая тихо,
Как пьяные, мыча без голосов...
Но чуток сон сердечников и психов
За окнами больничных корпусов.

Как глубоко ни вбиты сваи,
Как ни силен в воде бетон,
Вода бессонная, живая
Не успокоится на том.

Века пройдут — не примирится,—
Ей не по нраву взаперти.
Чуть отвернись — как исхитрится
И прососет себе пути.

Под греблей, сталью проплетенной,
Прорвется — прахом все труды —
И без огня и без воды
Оставит город миллионный.

Вот почему из часа в час
Там не дозор, а пост подводный,
И стража спит поочередно,
А служба не смыкает глаз.

☆ ☆ ☆

Некогда мне над собой измываться,
Праздно терзаться и даром страдать.
Делом давай-ка с бедой управляться,
Ждут сиротливо перо и тетрадь.

Некогда. Времени нет для мороки,—
В самый обрез для работы оно.
Жесткие сроки — отличные сроки,
Если иных нам уже не дано.

☆ ☆ ☆

Чернил давнишних блеклый цвет
И разный почерк разных лет
И даже дней — то строгий, четкий,
То вроде сбивчивой походки —
Ребяческих волнений след,
Усталости иль недосуга
И просто лени и тоски.
То — вдруг — и не твоей руки
Нажимы, хвостики, крючки,
А твоего былого друга —
Поводыря начальных дней...
То мельче строчки, то крупней,
Но отступ слева все заметней
И спуск поспешный вправо, вниз,
Совсем на нет в конце страниц —
Строки не разобрать последней.
Да есть ли толк и разбирать,
Листая старую тетрадь
С тем безысходным напряженьем,
С каким мы в зеркале хотим
Сродниться как-то со своим
Непоправимым отраженьем?

☆ ☆ ☆

Ночью все раны больнее болят,—
Так уж оно полагается, что ли,
Чтобы другим не услышать, солдат,
Как ты в ночи подвываешь от боли.

Словно за тысячи верст от себя
Все эти спящие добрые люди
Взапуски, всяк по-другому храпя,
Гимны поют табаку и простуде,—

Тот на свистульке, а тот на трубе.
Утром забудется слово упрека:
Не виноваты они, что тебе
Было так больно и так одиноко...

☆ ☆ ☆

День прошел, и в неполном покое
Стихнул город, вдыхая сквозь сон
Запах свежей натоптанной хвои —
Запах праздников и похорон.

Сумрак полночи мартовской серый.
Что за ним — за рассветной чертой —
Просто день или целая эра
Заступает уже на постой?

☆ ☆ ☆

Как после мартовских метелей,
Свежи, прозрачны и легки,
В апреле —
Вдруг порозовели
По-вербному березняки.

Весенним заморозком чутким
Подсушен и взбодрен лесок.
Еще одни, другие сутки,
И под корой проснется сок.
　　И зимний пень березовый
　　Нальется пеной розовой.

☆ ☆ ☆

Такою отмечен я долей бедовой:
Была уже мать на последней неделе,
Сгребала сенцо на опушке еловой,
Минута пришла — далеко до постели.

И та закрепилась за мною отметка,
Я с детства подробности эти усвоил,
Как с поля меня доставляла соседка
С налипшей на мне прошлогоднею хвоей.

И не были эти в обиду мне слухи,
Что я из-под елки, и всякие толки,—
Затс, как тогда утверждали старухи,
Таких, из-под елки,
Не трогают волки.

Увы, без вниманья к породе особой,
Что хвойные те означали иголки,
С великой охотой,
С отменною злобой
Едят меня всякие серые волки.

Едят, но недаром же я из-под ели:
Отнюдь не сказать, чтобы так-таки съели.

☆ ☆ ☆

...И жаворонок, сверлящий небо
В трепещущей голубизне,
Себе и миру на потребу
Оповещает о весне.

Все как тогда. И колокольня
Вдали обозначает даль,
Окрест лежащую раздольно,
И только нету сумки школьной,
Да мне сапог почти не жаль —

Не то что прежних, береженых,
Уже чиненных не впервой
Моих заветных сапожонок,
Водой губимых снеговой.

☆ ☆ ☆

Погубленных березок вялый лист,
Еще сырой, еще живой и клейкий,
Как сено из-под дождика, душист.
И духов день. Собрание в ячейке,
А в церкви служба. Первый гармонист
У школы восседает на скамейке,
С ним рядом я, суровый атеист
И член бюро. Но миру не раскрытый —
В душе поет под музыку секрет,
Что скоро мне семнадцать полных лет
И я, помимо прочего, поэт,—
Какой хочу, такой и знаменитый.

☆ ☆ ☆

Газон с утра из-под машинки,
И на лощеной мостовой
Светло-зеленые травинки
Уже отдали запах свой.

И вот уже тот запах росный
Колесным ветром унесен,
Едва свои былые весны
Земля припомнила сквозь сон:

Когда на месте этих зданий
Лесная глушь ее была,
Был сенокосный угол дальний,
Куда и звона наковальни
Не доносилось из села.

☆ ☆ ☆

Июль— макушка лета, —
Напомнила газета,
Но прежде всех газет —
Дневного убыль света;
Но прежде малой этой,
Скрытнейшей из примет,—
Ку-ку, ку-ку — маку-шка —
Отстукала кукушка
Прощальный свой привет.
А с липового цвета,
Считай, что песня спета,
Считай, пол-лета нет,—
Июль — макушка лета.

Просыпаюсь по-летнему
Ради доброго дня.
Только день все заметнее
Отстает от меня.

За неясными окнами,
Словно тот, да не тот,
Он над елками мокрыми
Неохотно встает.

Медлит высветить мглистую
Дымку — сам не богат,
И со мною не выстоит,
Первым канет в закат.

Приготовься заранее
До конца претерпеть
Все его отставания,
Что размечены впредь.

☆ ☆ ☆

— В живых меня как бы и нету,
Забытой старушки такой:
Считай, в отпуску с того свету,
Зато благодать и покой.

Куда торопиться? Не худо
Погреться на солнышке всласть.
А кто не мечтал бы оттуда
Сюда на побывку попасть.

На отдыхе житель вчерашний,
Все пройдено, сам посуди:
Мне даже и смерти не страшно,—
Она, как и жизнь, позади.

Как будто казенную дачу
Сняла — ни забот, ни хлопот.
И денег почти что не трачу,
А пенсийка тоже идет.

☆ ☆ ☆

Есть имена и есть такие даты,—
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты,—
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.

☆ ☆ ☆

Листва отпылала,
опала, и запахом поздним
Настоян осинник —
гарькавым и легкоморозным.
Последними пали
неблеклые листья сирени.
И садики стали
беднее, светлей и смиренней.
Как пот, остывает
горячего лета усталость.
Ах, добрая осень,
такую бы добрую старость:
Чтоб вовсе она
не казалась досрочной, случайной
И все завершалось,
как нынешний год урожайный;
Чтоб малые только
ее возвещали недуги
И шла бы она
под уклон безо всякой натуги.
Но только в забвенье
тревоги и боли насущной
Доступны утехи
и этой мечты простодушной.

☆ ☆ ☆

Многоснежная зима,
Снег валит за снегом следом,
Снег, как сказывали деды,
Все заполнил закрома.

Стародавняя примета
По зиме равняет лето;
Неизменный обиход,
Вековой расчет природный:
Мало снегу — год голодный,
Вдоволь снегу — сытый год.

И от имени науки
Вторят ныне дедам внуки:
Снег заполнил закрома —
Хлеб в избытке и корма.

Лишь в примете чрезвычайной
Не примкнуть бы к старине,
Что отменно урожайный
Выпадает год к войне.

☆ ☆ ☆

Спасибо за утро такое,
За чудные эти часы
Лесного — не сна, а покоя,
Безмолвной морозной красы,

Когда над изгибом тропинки
С разлатых недвижных ветвей
Снежинки, одной порошинки
Стряхнуть опасается ель.

За тихое, легкое счастье
Не знаю чему иль кому
Спасибо, но, может, отчасти
Сегодня — себе самому.

Который год мне снится, повторяясь
Почти без изменений, этот сон.
Как будто я, уже с войны вернувшись,
Опять учиться должен в институте
И полон вновь школярскою тревогой,
Как зазубрить лежалые науки,
И страшно мне и горько осрамиться
В той юности моей второй иль третьей.
И я, проснувшись, рад чистосердечно,—
Что в яви нету мне такой мороки,
Но всякий раз потом бывает грустно.

☆ ☆ ☆

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны.
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,—
Речь не о том, но все же, все же, все же...

☆ ☆ ☆

Лежат они, глухие и немые,
Под грузом плотной от годов земли —
И юноши, и люди пожилые,
Что на войну вслед за детьми пошли,
И женщины, и девушки-девчонки,
Подружки, сестры наши, медсестренки,
Что шли на смерть и повстречались с ней
В родных краях иль на чужой сторонке.
И не за тем, чтоб той судьбой своей
Убавить доблесть воинов мужскую,
Дочерней славой — славу сыновей,—
Ни те, ни эти, в смертный час тоскуя,
Верней всего, не думали о ней.

☆ ☆ ☆

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть —
Не по готовым нотам.

Мне проку нет — я сам большой —
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.

☆ ☆ ☆

Стой, говорю, всему помеха —
То, что, к перу садясь за стол,
Ты страсти мелочной успеха
На этот раз не поборол.

Ты не свободен был. И даже
Стремился славу подкрепить,
Чтоб не стоять у ней на страже,
Как за жену, спокойным быть.

Прочь этот прах, расчет порочный,
Не надо платы никакой —
Ни той, посмертной, ни построчной,—
А только б сладить со строкой.

А только б некий луч словесный
Узреть, не зримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.

И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,
Боясь находки, как потери,
Что с каждым разом все больней.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Твардовский Александр Трифонович

ИЗ ЛИРИКИ ЭТИХ ЛЕТ

М., «Советский писатель», 1967, 64 стр.
Резерв 1967 г.

Редактор
Е. А. Исаев

Худож. редактор
Е. И. Балашева

Техн. редактор
А. И. Мордовина

Корректор
Л. И. Жиронкина

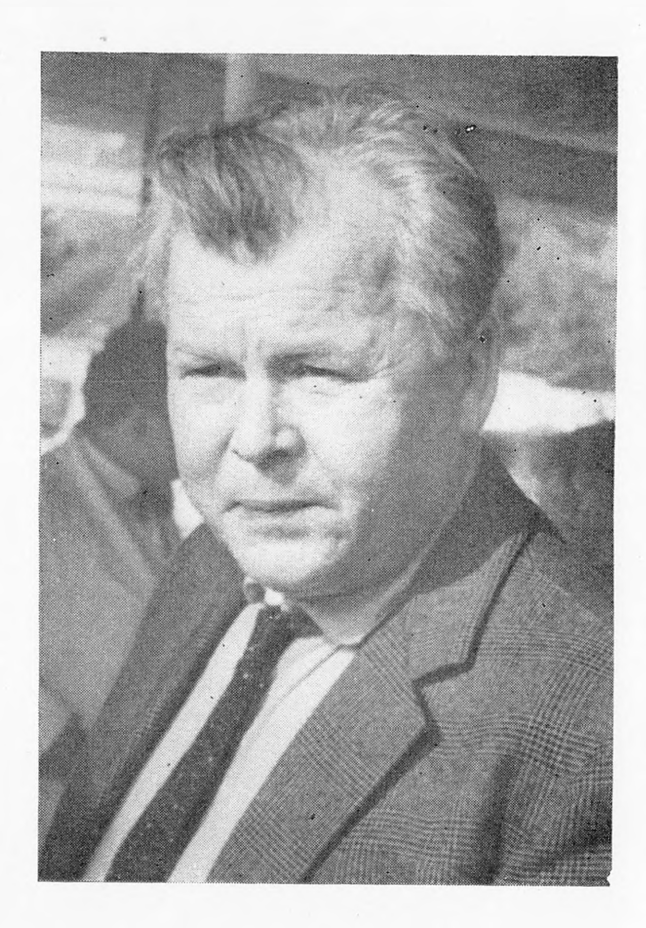
Сдано в набор 21/VI 1967 г.
Подписано к печати 13/VII 1967 г.
А 02586. Бумага $60 \times 70^1/_{16}$. № 1.
Печ. л. 4(3,12). Уч.-изд. л. 1,49.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 241.
Цена 19 коп.

Издательство «Советский писатель»,
Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР,
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

19 коп.

19 коп.